

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	7
Глава вторая.....	71
Глава третья.....	122
Глава четвёртая.....	175
Глава пятая.....	221

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая	271
Глава вторая.....	342
Глава третья.....	405
Глава четвёртая.....	461
Глава пятая.....	509

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Всё, что могло сбыться, у него уже сбылось, а чему не бывать — тому и не бывать, аминь; но непрошеное равновесие судьбы оказалось невыносимо, и Герман нарушил его, сдвинув на карабине флажок предохранителя.

Это случилось в пятницу 14 ноября 2008 года. Герман сидел в кабине спецфургона «фольксваген» и наблюдал, как в бронеотсек его машины загружают мешки с деньгами. Тяжёлый бронеотсек размещался над задним мостом, поэтому фургон казался укороченным, будто ему пнули в корму. Он был покрашен в фирменные цвета предприятия: по жёлтому борту шла двойная серая полоса. Суженные, словно прищуренные, боковые окна салона были запаяны тонированными пуленепробиваемыми стёклами.

Фургон находился на первом этаже секции «С» торгового комплекса «Шпальный рынок», на корпоративной автостоянке возле служебного входа в здание. Герман запарковал машину так, как полагалось по инструкции, — «дверь в дверь» с выходом из лифта. При погрузке денег водитель был обязан сидеть за рулём в готовности тотчас дать по газам и сорвать машину с места, если командир опергруппы отдаст соответствующую команду.

Командиром опергруппы, как всегда, был Виктор Басунов. Он следил за погрузкой, опустив карабин «сайга» обрезанным стволом в бетонный пол. Ян Сучилин с «сайгой» дежурил у капота «фольксвагена»; Олег Тотолин (парни называли его Легой) топтался за кормой машины тоже

с карабином в руках; Герман видел их всех на мониторе видеорегистратора. Два охранника в серой униформе с логотипом «ШР» таскали из открытого лифта в фургон мешки с деньгами. Фургон покачивался. В салоне Темур Рамзаев принимал увесистые мешки и складывал в бронеотсек. Обычно увозили три-четыре мешка, иногда — пять-шесть, а сегодня их оказалось пятнадцать, поэтому Басунову дали дополнительного бойца — Темура. «Ну и наплевать», — подумал Герман.

Мешки в лифте закончились. Басунов влез в салон фургона и закрыл толстую дверь бронеотсека; пальцем, торчащим из беспалой перчатки, он натывал на цифровой панели код, запирая бронеотсек; потом выбрался из фургона, распрямился и отстегнул от ремня рацию.

— Груз принял, — сообщил он. — Размещаю группу и начинаю движение, бортовой ноль пять. Снимайте с охраны, открывайте выезд. Отбой.

В салоне за стенкой, за спиной у Германа, завозились Ян, Лега и Темур — рассаживались удобнее: Сучилин и Тотолин на мягких креслах, Рамзаев — на откидном сиденье. Басунов полез в кабину рядом с Германом.

— Поехали, Немец, — сказал он, аккуратно устанавливая карабин между коленями прикладом в пол. — Всё как обычно. Банк «Батуев-инвест».

Каждый рабочий день в конце смены определённую часть наработанной налички перевозили из кассового центра торгового комплекса в банковский сейф, откуда потом уже передавали на инкассацию в банк. Транспортировкой налички до сейфа занималась служба безопасности комплекса «Шпальный рынок», которую возглавлял Виктор Басунов. Герман Неволин в число сотрудников этой службы не входил, однако считался лучшим водителем в автопарке Шпального, и потому ему доверяли спецфургон. Кроме того, Неволин был своим — «афганцем»: все знали его с детства первого года.

Фургон неторопливо покатыл по бетонным дорожкам, обозначенным полосатыми бордюрами, сквозь ряды массивных пронумерованных колонн, поддерживающих здание, мимо легковушек работников рынка — к блёклому, замытому дождями свету. Басунов закурил, хотя инструкция запрещала.

Два мегамолла торгового комплекса — секция «А» и секция «С» — вытянулись под углом друг к другу. На длинных жёлто-серых фасадах ярко выделялись огромные аншлаги «Торговый комплекс “Шпальный рынок”». Низкое, плоское и просторное небо казалось таким же мокрым, как асфальт. Большая площадь была вымощена плиткой; посреди площади громоздилось каменное корыто цветника, рядом торчали рамы летних палаточных кафе. На флагштоках, выстроенных в шеренгу, трепетали узкие флаги. На заправке «ЛУКойла» раскорячилась фура. За мегамоллами пространство ограничивала бесконечная насыпь железной дороги со столбами и перекрытиями; её гряда сверху почернела, обтаяв, а понизу белела потёками ночного снега.

Герман вёл спецфургон по новой шестиполосной трассе к переезду через железную дорогу. Энергичная разметка магистрали бодрила движением своих стрел и пунктиров; решетчатые фермы, перекинутые поверх трассы, задавали жёсткий, технологичный ритм. Выруливая на высокий и широкий мост, Герман увидел впереди в мороси центральную часть города Батуева — высотки, шпили и краны. Там, в центре, и вправду казалось, что жизнь наладилась, всё развивается и наступил счастливый двадцать первый век.

Под мостом летела электричка. Герман думал, что через десять минут он сломает пополам свою судьбу, а может быть, и судьбу Танюши. За себя он не боялся, о себе не жалел, а про Танюшу надеялся, что с ней обойдётся. Герман смотрел на монитор, который показывал бойцов в салоне. Они все всунули оружие в зажимы. Только Басунов, гад, держит «сайгу» не по правилам.

Небольшая промзона, путепровод, панель офисного центра, светофор, ангар автосервиса за сетчатой оградой, квартал старых «хрущёвок», школа и магазин «Продукты», кольцевая развязка с транспарантом «Ленинский район», автобусная остановка с минимаркетом и длинным парковочным «карманом», в котором мокли под дождём несколько автомобилей...

Герман сбросил скорость и сдал свой «фольксваген» ближе к обочине, свернул на парковку за минимаркетом и встал рядом с белой «девяткой».

— Виктор, с твоей стороны зеркало забрызгано, — сказал он. — Я не вижу.

— И что? — хладнокровно спросил Басунов, не меняя позы.

— В бардачке пластиковая банка, в банке — микрофибра для стёкол.

— Я должен протереть тебе зеркало, Немец? — осведомился Басунов.

— По инструкции мне нельзя покидать кабину. Но ради тебя я могу.

Мимо проносились автомобили. В борт спецфургону, застывшему на обочине, плескало ноябрьской жидкой грязью. Герман рассчитывал, что Басунов поленится вылезать из кабины наружу с «сайгой» в руках.

«Если не срастётся, оно и к лучшему», — подумал Герман. Собственного оружия у него не было, да с пушкой его и не допустили бы до работы. А охранники Шпального были вооружены короткоствольными карабинами со складными рамочными прикладами: компактные полуавтоматы, похожие на «калашниковых», в тесных помещениях были сподручнее.

Басунов с недовольной физиономией воткнул «сайгу» в фиксатор возле своего левого локтя, полез в бардачок и вытащил банку с микрофиброй. Повернувшись к окну, он приспустил толстое бронестекло. В кабину хлынул шум улицы, и Басунов не услышал, как Герман отщёлкнул

фиксатор, вынул оружие из держалки и сдвинулся за руль. «Сайга» нацелилась на Басунова дырчатой трубкой надульника. Герман отвёл флажок предохранителя.

— Виктор, не дёргайся, — предупредил он.

Басунов оглянулся и понял, что очистка зеркала — уже не главное.

— Нехилая заявочка, Неволин, — насмешливо-презрительно сказал он и отвалился на спинку сиденья, изображая вынужденное бездействие, но не сводил взгляда с карабина; тряпку-микрофибру он механически записывал пальцами обратно в банку. — Я как-то не понял, это ограбление, да?

— Типа того, — кивнул Герман.

— Боевиков посмотрелся, Немец?

Немец — потому что Герман, германец. Так Германа звали ещё с армии.

— Без базаров, Виктор, — хмуро ответил Герман. — Ты же понимаешь.

— И что, вправду шамальнёшь?

Басунову было сорок четыре. Жилистый и подкачанный мужик без лишнего гражданского сала. Как только его назначили начальником службы безопасности (это случилось пару лет назад), он отрастил усишки вроде тех, что носил Лихолетов, однако усы не придавали ему бесшабашности Серёги; казённо-протокольная морда Басунова осталась напряжённой, словно он не расслаблялся, никому не верил и контролировал пространство вокруг себя.

— Почему бы и не шамальнуть, Виктор? — задумчиво спросил Герман. — Было время, мы шамляли, и никого не клинило. Вперёд мне уже проще, чем назад. А на броник ты не надейся. Из «сайги» почти в упор — верная дырка.

Это Басунов и сам знал. Даже если отбить ствол в сторону и сцепиться, то в замкнутом пространстве кабины Немец сомнёт его хотя бы потому, что руки и ноги у Немца длиннее, значит, больше рычаг и сильнее давление.

— В бардачке лежат наручники, — сказал Герман. — Сам достань их и сам пристегни себя вон туда, к скобе.

Герман выяснил заранее, что самоуверенный и самолюбивый Басунов не имел никакого приборчика вроде «тревожной кнопки», чтобы дать сигнал тревоги незаметно от противника. Басунов рассчитывал на клавишу экстренного вызова на рации, а рацию Герман видел — она висела на ремне.

Покачивая головой от фальшивого удивления, Басунов пристегнул себя к поручню. Поручень на прочность Герман тоже проверил уже заранее.

— Какой код у отсека с деньгами?

Басунов не ответил и с превосходством ухмыльнулся.

— Не буровь, Виктор, — устало поморщился Герман. — Ну, раздроблю я прикладом тебе пальцы на ногах — всё равно ведь скажешь. Нафига надо?

— Эн две тысячи восемь пэ.

«Ноябрь 2008-го, пятница», — сразу расшифровал Герман.

— Зря надеешься уйти, — сказал Басунов. — Тебя вычислят за два дня. Для Щебетовского менты тебя везде найдут. А вооружённый грабёж — десяточка.

Герман не отвечал. Он убрал «сайгу», придвинулся к Басунову, отцепил у него с ремня рацию и охлопывал по карманам — на всякий случай.

— А как там у тебя Татьяна? — не унимался Басунов. — В доле с тобой? Ждёт мужа-добытчика? Пакует чемоданы? Или сразу сухари сушит?

Герман не хотел вестись на провокацию и разговаривать с Басуновым, но об этом нужно было сказать:

— Танюша не в курсе. Она была бы против. Но я с ней не советовался.

— Ты даже жену кинул, — удовлетворённо произнёс Басунов. — Жену свою кинул, своих братьев по Афгану кинул, своего босса кинул...

Герман смотрел в монитор видеорегистрации: парни в салоне сидели спокойно, ничего не почувствовали, не суетились, оружие не хватало.

— С каких пор, Витя, Щебетовский мне стал своим? — Герман напоследок посмотрел в глаза Басунову. — И вы, его шакалы, мне тоже не свои. Своим мне был Серёга Лихолетов. Но Серёга на Затяге.

— Его ты тоже кинул, — злорадно усмехнулся Басунов.

Герман не ответил. Он открыл дверку, выпрыгнул наружу с «сайгой» в руке и захлопнул дверку за собой. Сквозь окно Герман видел, что Басунов ещё что-то беззвучно говорит след ему — уже один в кабине.

На остановке мокли две тётки, на Германа и фургон они не обращали внимания. Окна минимаркета были обращены в другую сторону. Герман подошёл к входу в магазинчик и бросил в урну к пустым бутылкам рацию Басунова. Потом вернулся к «фольксвагену» и стоящей рядом «девятке». Это была его «девятка», он подогнал её сюда сегодня в семь утра.

Бибикнув сигналкой, Герман приподнял корму своего рыдвана и достал связку наручников. Хорошо, что он припас сразу пять пар. Басунов тупо смотрел на манипуляции Германа через лобовое стекло «фольксвагена». Пускай смотрит. Оба номера у «девятки» Герман ещё с утра заляпал грязью. И «девяток» таких в миллионном городе Батуме — не сосчитать.

Герман побарабанил в боковую сдвижную дверь фургона. Парни в салоне через узкое окошко видели, что это стучится Неволин. Конечно, они знали, что водитель в спецрейсе не должен покидать кабину, что оружия водителю не положено... Однако они же тупые. Они просто не сообразят, что к чему. Не заподозрят. В нештатной ситуации они среагируют как давние приятели, однополчане по Афгану, а не как бойцы службы безопасности.

Дверь откатил Ян Сучилин, и откатил широко. Герман сразу попятил Яна стволом «сайги» и от порога усадил его обратно в кресло.

— Ты чего, Немец? — изумился Ян. — Мозги стряс?

— Парни, это реально ограбление, — вздохнув, пояснил Герман. — Я не хочу стрелять на поражение, но покалечить придётся. Вы же меня знаете.

— А Басунов где? — спросил Лега Тотолин, не вставая.

— Его я уже подвесил на браслеты. Теперь ваша очередь.

Герман бросил под ноги парням гирлянду наручников.

— Ян, надень себе и закрепи Легу с Темурчиком за поручни. Только делай всё очень медленно. Парни, прошу без резких движений.

Глядя на Германа, Ян нагнулся и поднял наручники. Сначала одну пару он нацепил себе на запястья, потом сковал Тотолина и Рамзаева, пропустив цепочку браслетов сквозь поручни на стенках салона. Парни подавали руки нехотя, но не пытались переломить ситуацию.

— Пока посиди, — сказал Герман Яну и уже без опаски сунулся в салон.

Он выдернул карабины из крепежей на оружейных стойках и принялся разряжать их прямо на пороге салона. Отомкнутые автоматные магазины он по-простецки пихал за пазуху, а затворы передёргивал, сбрасывая патрон на асфальт, и затем, шаркая берцем, отшвыривал патрон в лужу на обочине.

— Ваши винтари оставляю вам, парни. К вам у меня претензий нет. А басуновскую «сайгу» забираю вместе с вашими магазинами.

— Бесплезняк же, Немец, — вдруг глухо произнёс Лега. — Напрасно ты эту хрень затеял. Может, назад отыграешь?

— Я всё продумал, Лега.

— Тебя грохнут.

— Посмотрим.

Герману было сорок два. Высокий, худой и нескладный, он казался небрежно сколоченным из косых досок-горбылин. Крупный фигурный нос и маленькие глазки близко к носу — как у доброго льва из мультика. Вид у Германа всегда был какой-то странный — сразу и сонный, и сосредоточенный.

— Ян, снова тебе задание. Набери на панели код: эн две тысячи восемь пэ. Открывай дверь и вытаскивай сюда мешки. Я считал, их пятнадцать.

— Дебил, — угрюмо сказал Лега неизвестно кому.

Ян Сучилин начал выставлять к порожку чёрные водонепроницаемые мешки со стальными горловинами; горловины на шарнирах были сложены пополам, как у кошельков, и запирались на замочки с кодовыми цилиндрами.

Герман забросил «сайгу» за спину и принялся переносить мешки по два в багажник «девятки». Со стороны это выглядело буднично, деловито, без какого-то криминального оттенка. Ну, какие-то охранники на обочине переваливают что-то из машины в машину — вот и всё, делов-то.

— Поделится бы, а? — развеселившись, попросил Сучилин.

— Прокурор поделится, — буркнул Темурчик.

Герман закончил загрузку, опустил корму багажника у «девятки», убрал карабин на заднее сиденье своей машины и вернулся в салон «фольксвагена». Здесь он поднял с резинового коврика оставшиеся наручники, пихнул Сучилина в его кресло и закрепил так, чтобы Ян не вылез из фургона.

— Всё, парни, — сказал Герман. — Спасибо, что не заставили уродовать. Я поехал. Вас закрою тут. Где-нибудь через час в банке забеспокоятся, вышлют наряд по нашему маршруту и найдут вас. Что-нибудь от меня надо?

— Поставь музыку, — попросил Сучилин.

Герман решил выезжать из города через центр — надеялся проскочить до пробок часа пик. Транспортный поток катился ещё с разрывами, и «девятка» Немца ловко бежала по проспектам, обгоняя троллейбусы, поворачивала на перекрёстках, притормаживала на светофорах. С пасмурного неба текло, будто кто-то этажом выше затопил своё облачное обиталище; люди шли по улицам под зонтами; сквозь дрожащую хмарь непогоды яркими красками сияли рекламные баннеры с огромными цифрами телефонных номеров.

Центр Батуева очень изменился за последние годы. Понизу, на уровне тротуаров и пешеходов, перемены казались комфортными и праздничными: пылающие вывески, красивые панорамные витрины, подсвеченные фасады, удобные лестницы, скамейки, урны, дружелюбные призывы... Здесь обитали милые девушки, ласковые продавщицы и официанты, удобные автомобили, уличные художники, смешные и толстые люди-куклы, которые заманивали к себе в гости, и важные автоматы с огоньками, выдающие кофе в стаканчиках.

Но сверху, выше уровня людей, над головами и зонтами прохожих в сыром пустом воздухе фантастическим образом висел двадцать первый век: геометрические объёмы хайтека; сталь и стекло; монолиты новых билдингов, в зеркальных плоскостях которых отражалась плывущая над улицами мгла; призрачные вертикальные конструкции высотных кранов, полурастворённые в тучах стильного пара. Эти безжизненные сооружения казались какой-то космической армадой, без усилия дрейфующей в поле антигравитации.

Семнадцать лет назад Герман Неволин приехал в совсем другой город — просторный, приземистый, неспешный, заросший тихо дичающей зеленью... Это они, «коминтерновцы» Серёги Лихолетова, торопились жить, а город раскачивался медленно, как громоздкий корабль, — но по его трюму быстро носились крысы. И вот теперь жизнь набрала

ход — а он, Немец, почему-то остался позабытым на пирсе. Интересно знать, что тут будет дальше, но, увы, не получится: при любом раскладе Герман в Батуев уже не вернётся.

Он рассчитал, что план «Перехват» объявят примерно через час после того, как найдут спецфургон. Он успеет выскочить из города, во всяком случае, из центра, где вертятся патрули. На том выезде, который Герман наметил для себя, менты не станут устраивать фильтрационный пункт, иначе здесь моментально вырастет затор и парализует весь район. Не так уж и важен ментам грабитель, ободравший Щебетовского — местного олигарха.

Герман без проблем пролетел по бульварам спальных кварталов, через промзоны и частный сектор окраины, по мосту над железной дорогой, и, наконец, справа на пригорке мелькнул транспарант «Счастливого пути!» — город закончился. Впереди под небом, что светилось тусклыми размывами, расстелились холмистые просторные луга, бурые на покатосях и белёсые в западинах. По лугам в мороси брели плотные взъерошенные перелески, словно толпы каторжников в лохмотьях, скованные цепями.

«Девятка» свернула с шоссе на грунтовый просёлок, и вскоре Герман уже ехал по жидкому лесочку средней полосы: осины, берёзы, ёлки, липы, малинник, изредка — тонкие высокие сосны. В чёрно-белой строгой осени вдруг мелькал красный железный пламень ещё не облетевших рябин.

Герман остановил машину возле высокого расщеплённого пня. Здесь он приготовил тайник: за поваленным стволом вчера вечером он выкопал яму и наломал кучу лапника для маскировки. На мокром дне ямы, завёрнутый в лоскут полиэтилена, лежал туго набитый туристский рюкзак. В него Герман запихал всё, что потребуется после ограбления: саквояж с новой одеждой и обувью, пакет с документами и банковскими карточками, другой пакет — с сотовыми телефонами, командировочный набор

«мыло — бритва — зубная щётка», чай, брикеты лапши быстрого приготовления, книжку кроссвордов.

Герман вытащил рюкзак из ямы, расстелил плёнку, разулся, переступил на полиэтилен ногами в носках и принялся переодеваться. Он сбросил берцы, снял серую униформу с жёлтым логотипом «ШР» и обрядился как дачник: чёрные резиновые сапоги, камуфлированные штаны, свитер грубой вязки, непромокаемая куртка с капюшоном, матерчатое кепи с наушниками.

Униформой сотрудника рынка Герман выстелил дно своей ямы и затем перетаскал в яму тяжёлые мешки из багажника «девятки». Он планировал, что привезёт три-четыре мешка, спрячет их тут и уедет, чтобы избавиться от машины; потом вернётся пешком — вечером или ночью, затолкает мешки в рюкзак и вынесет отсюда на спине в другой тайник, надёжнее этого... Но пятнадцать мешков и «сайгу» в придачу на загровке за один раз не упереть. А бегать с рюкзаком туда-сюда — значит, рисковать вдвое или втрое...

Пятнадцать чёрных мешков тихо стояли на дне ямы, уже облепленные палыми листьями, — везуха, масштаб которой превзошёл все планы. Ладно, он придумает, что сделать. Герман уложил поверх мешков карабин, закидал схрон лапником и сверху навалил огромную трухлявую коряжину.

Снова сев за руль, он сдал назад, развернулся и потихоньку выбрался обратно на шоссе. Теперь он выглядел как типичный горожанин, который на своей старой «девятке» едет на дачу париться в бане и готовить дом к зиме.

Путь был знаком до последней выбоины. Сколько раз он проезжал здесь на «барбухайке» с Танюшей... Рощи; линия ЛЭП (вон та опора на бетонном башмаке...); бесконечная железнодорожная насыпь и столбы; мчится поезд; покрывка в бурьяне; шлагбаум; тетка едет на вихляющемся велосипеде; длинный забор дачного кооператива «Деревня Ненастье»; размалёванная будка автобусной остановки;

снова луга, а за бесхозной силосной башней — посёлок при станции Ненастье, весь в липах... Герман вырулил к вокзалу.

И с вокзалом этим тоже столько всего связано... Они захватывали его в девяносто третьем, перекрывали магистраль, чтобы товарищей выпустили из СИЗО... Вон там стояла «барбухайка», где Герман — на свою пустую башку — в грозу укрылся с Мариной... Одноэтажное здание вокзала с арочными окнами сейчас было заново оштукатурено и покрашено в прянично-розовый цвет. А тогда оно было облупленное... Что ж, нынче время такое, пряничное и розовое — и сладко, и вроде даже сытно, но не еда, и вредно, и тошнит.

Привокзальная площадь была занята платной парковкой. Герман заехал в ворота и поставил машину в дальний угол. Здесь он её и бросит — для того и покупал. Когда менты найдут «девятку», то подумают, что Герман уехал отсюда на электричках. На электричках можно добраться до Казани, Самары или Уфы. В общем, «девятка», брошенная на вокзале, укажет следакам, что Германа в Батуеве уже нет. А его там и не будет. Он будет в Ненастье.

Герман купил в привокзальном киоске чебуреки и пошёл в деревню Ненастье пешком — недалеко же, всего пять километров. Сапоги хрустели по гравию обочины. Он шагал и думал про Танюшу. Облава наверняка уже объявлена. Значит, Пуговка уже узнала, что Герман украл деньги и скрылся.

Сердце Германа разрывалось, когда он представлял, что творится в душе Танюши. Стоит ли так её мучить? Может, надо было тихо жить, поживать, доживать?.. Он ведь ничего ей не сказал, не объяснил, куда исчез, почему и надолго ли. Танюша слабенькая, любому следаку расскажет всё, что спросят. А Яр-Саньч, папаша её, старый козёл, — тот вообще сам донесёт... Изредка вдали грохотали поезда; мимо, шипя, проносились автомобили, обдавая мокрой пылью; ветер взволнованно шумел в пустых и дырявых шапках придорожных тополей. А Герману казалось, что он в тишине.

Он всё предусмотрел. Подготовился. И пока он ни в чём не промахнулся — разве что денег взял вчетверо больше, чем ожидал. Теперь он шагал в деревню Ненастье, на старую и уже проданную дачу, — пересиживать там суматоху, отлёживаться перед новым своим ходом. Но он не вспоминал про кучу денег в лесной яме, не размышлял о дальнейших действиях, не мечтал даже о том счастье, в которое прицелился, рискуя всем на свете. Он думал, что сейчас в большом городе Батуеве плачет никому не нужная маленькая женщина, бесконечно родная ему и любимая, за которую он жизнь бы отдал, — но ей сейчас кажется, что он её предал и бросил. Что её мужчина, который обещал беречь её до конца своих дней, украл деньги у начальника и сбежал.

• • •

— И всё же, Витя, я не понимаю, как такое случилось. Как простой и безоружный водитель автобуса, не спецназовец и не фокусник, ухитрился отнять у четырёх охранников с карабинами сто сорок миллионов рублей? Это в голове не укладывается, Витя. Ты сумеешь объяснить?

Вопрос был риторический. Басунов ещё вчера вечером, едва вырвался от следователя, всё рассказал боссу пошагово и по секундам. В этом же самом кабинете. Сейчас Щебетовский просто нагнетал страха, чтобы легче давить.

— Вы намекаете, Георгий Николаевич, что я был в сговоре с Неволным?

— Можно подумать что угодно, и проговор тоже.

— Если бы я хотел ограбить вас, зачем мне нужен Неволин? И почему я раньше не ограбил? Я перевожу ваши деньги уже четвёртый год.

— Но такой суммы, Витя, никогда прежде не бывало.

Это уж точно. Ещё при Лене Быченко, первой директрисе Шпального рынка, Щебетовский начал вникать в бухгалтерию предприятия. А когда по стране повалил ломовой

потребительский бум, занятия бухгалтерией для Щебетовского превратились в удовольствие. Зримое и осязаемое умножение успеха волновало так, будто в глубине души какие-то основы наконец-то перекладывались с неправильного порядка на правильный. Но, конечно, обороты Шпального никогда не доходили до полутора сотен лимонов в день.

Сумма, которую урвал Неволин, объяснялась удачной сделкой. Обычно транзакции такого уровня осуществлялись по безналу, но сейчас экономику душил кризис, ликвидность сама по себе стала капиталом, и простая наличка вздорожала выше себестоимости; Щебетовский был крайне удовлетворён, что поймал момент и мастерски провернул хитрую операцию, когда ему прямо на руки вышло чистыми четыре с половиной миллиона долларов. И тут вдруг нарисовался придурок-водитель со своим киношным гоп-стопом и хапнул всю кассу именно в этот день и час. Идиотизм.

Щебетовский не сомневался, что Басунов и его парни к ограблению не имеют отношения. Но для дела было полезнее, чтобы они думали, будто босс их подозревает. Щебетовский гордился своим умением применять в бизнесе и в управлении те принципы, которые освоил на службе в госбезопасности. Он сразу отстранил от работы Басунова и его железных дровосеков — тем самым мотивировал их соображать, как им реабилитироваться. Ведь все они из одной псарни с Невוליным — из «Коминтерна», союза «афганцев».

— Георгий Николаевич, мы с вами работаем вместе лет десять, — сказал Басунов. — Извиняюсь, но я даже не хочу обсуждать, что это я вас бомбанул.

Щебетовский понимающе усмехнулся: Бобик обиделся.

Геorgию Николаевичу было под шестьдесят. Он действительно работал в КГБ, хотя, конечно, не суперагентом. В Афгане в составе погранвойск КГБ он служил в комендантской роте в Кабуле — «летёхой», только-только после

института; потом в Батуеве мирно киснул на оперативной текучке. Впрочем, этого запаса Щебетовскому вполне хватило, чтобы отстроить свою судьбу. Экономисты Батуева утверждали, что Шпальный рынок — третий в России после Черкизона и Гусинобродской барахолки в Новосибирске. А Басунов разглядывал Георгия Николаевича и с тихим удовольствием отмечал в боссе черты старика. Волосы поредели. Глаза он по-прежнему прячет за слегка затемнёнными очками, но линзы теперь астигматические. Лицо обколото ботоксом, а на шее — две индюшиные складки. Просторный костюм не скрывает круглое пузико; такое появляется, когда человеку по возрасту уже тяжело гонять себя на тренажёрах. И сидит босс тоже по-стариковски — на диване, откинувшись, сдвинув ножки, коленки набок.

— Ты должен найти мне этого Неволина, Витя, — сказал Щебетовский.

Он смотрел спокойно, как рыба.

— Найти Неволина, — повторил Басунов.

— Ты уже знаком с капитаном Дибичем, верно?

Капитан Всеволод Дибич возглавил следственную группу по делу спецфургона. Уже вчера капитан допросил и Басунова, и парней из службы охраны — Сучилина, Тототина и Рамзаева; он допросил Татьяну Куделину — гражданскую жену Германа, и даже отправил оперативников на обыск у Неволина дома. Сегодня с утра он терзал водителей Шпального, которые работали с Немцем, — занял их комнату отдыха и вызывал по одному.

Басунову Дибич категорически не понравился. Молодой хлыщ. Понты и много суеты напоказ, ведь понятно, что с малахольной женой, с её папашей-маразматиком или с шоферюгами Неволин свои криминальные планы не обсуждал. Зачем тратить время на очевидно бесполезные допросы, когда вор уходит всё дальше? Пусть мельтешат помощники, а у шефа дела поважнее.

— Дибич только делает вид, что ищет, — сказал Басунов.

— Вижу, — кивнул Щебетовский. — Он будет меня доить. А искать вора придётся тебе, Витя. Но про каждую подвижку ты должен сообщать ему. Это он схватит Неволина, это он получит звезду от начальства и тачку от меня.

— Почему? — сухо спросил Басунов. — Я и сам возьму Немца.

— Нет, Витя. Девяностые закончились. А для тебя ещё и обнулились.

— Обнулились, — задумчиво повторил Басунов.

Кабинет Щебетовского был обставлен в духе модного техногенного минимализма: длинная и аскетичная пластина стола, целиком из махагони, ноутбуки вместо блокнотов, мебель — никелированные трубки и кожаные пуфы, плазменные экраны, встроенные шкафы за панелями из светлого бука. Неуютно, холодно. Одна стена была гладкая, блестящая и полностью чёрная, точнее, из тёмного стекла, за которым темнел ноябрьский бесснежный вечер.

— Есть какие-то соображения по Неволину? — спросил Щебетовский.

Басунов пожал плечами:

— Немец наверняка всё продумал. Время у него было, а теперь есть и деньги. Если всё идёт по его плану, мы его никогда не поймаем.

— Крайне ценный вывод, Витя. Мне полегчало.

— Надо надеяться, что Неволин где-то проколет. Пока что у него был лишь один прокол — слишком много денег.

— Всем бы такие проколы, — саркастически заметил Щебетовский.

Басунов не умел отвечать на шутки, не понимал иронии.

— Это проблема, — возразил он. — Пятнадцать мешков весят больше ста кило. На такое Немец не рассчитывал. Мешки в одиночку не унести. Значит, он теряет мобильность или вступает в незапланированные контакты.

— Но ты же знаешь всех его друзей-«афганцев», верно?

— Верно. Я знаю такие связи, до которых капитану Дибичу никогда не докопаться, и вы понимаете, почему, Георгий Николаевич, — Басунов сидел за столом прямо и неподвижно, будто ученик на экзамене. — Я уверен, что Немец сейчас залёг на дно переждать шухер. Ему надо сориентироваться. Он снял какую-нибудь хату в спальном районе на пару месяцев и греется на куче бабла, как собака. Куча бабла для него как якорь. От бабла он не убежит.

Щебетовский внимательно слушал, глядя куда-то в пустоту.

— Ерунда, — уверенно сказал он. — Деньги можно спрятать в тайник, в сейф, оставить у надёжного приятеля в кладовке. Можно перевести в безнал и поместить на счёт, отправить на карту, отмыть через прачечную...

— Нет, Георгий Николаевич. Это не работает. Немец не рискнёт оставить деньги без контроля. Светиться ему нельзя. И доверять он никому не может, потому что облава, розыск, премия. Он будет пережидать на лёжке. Шанс взять его есть только там. В этом суть моего плана, Георгий Николаевич.

— Ерунда, — повторил Щебетовский. — Он спрячет мешки с деньгами где-нибудь в укромном месте и уйдёт налегке. Так рациональнее.

— Я бы не смог уйти, — упрямо возразил Басунов. — А он чем лучше?

Щебетовский думал, подрагивая губами, словно что-то жевал, а потом, приняв какое-то решение, шлёпнул ладонями по коленям и поднялся на ноги.

— Ладно, может, ты и прав, Витя, — со вздохом сказал он. — Действуй. Иди. И держи связь с Дибичем. Ты — мозг, а Дибич — твои руки, понял?

Он не сказал Басунову напоследок: «Достань мне эту суку».

Он не испытывал к Неволину никаких чувств. Он помнил этого типа ещё по разгрому «Юбиля», когда задержал

его в «афганском» кафе с любовницей Лихолетова. Долдон. Незлой, исполнительный, спокойный. Тихое ничто. Такие были вполне успешны, если состояли в агрессивном сообществе вроде «Коминтерна». Но времена «Коминтерна» миновали, и ныне все командиры «Коминтерна» на Затяге, а Неволины плачут у пустых кормушек.

«Может, он хотел отомстить мне?» — подумал Щебетовский, вспоминая Германа. Нет. Кишка тонка. Если он мог отомстить, то (учитывая армейский дебилизм) сейчас был бы или таким, как Басунов, или там, где Лихолетов.

Кто этот Неволин? Тупой шофёр. Он ничего не понимает в финансах, в банковских операциях, в реквизитах, в чёрном налё, в отмывке. Даже если он купил липовые документы, он всё равно не махинатор, не ловчила, а просто лох, быдло, баклан, как они говорят... Не-ет, реально Витя прав. Этот идиот наверняка сидит на куче денег и гадает, как её унести или куда спрятать.

Щебетовский подумал, что ситуация напоминает ловлю обезьян на апельсин. В ящик кладут апельсин, закрывают и делают в стенке небольшую дыру. Является обезьяна, чувствует апельсин, суёт в ящик руку, хватается апельсин, но не может вытащить его через дыру — а бросить уже не в силах по своей природе. Так и торчит, дура, с рукой в ящике, пока не придёт охотник.

Георгий Николаевич выключил в кабинете свет и неторопливо подошёл к окну. Теперь из кабинета стало видно то, что находилось на улице. Секция «С» ярко освещена прожекторами. Мокрая плитка площади, отражения огней в лужах у бордюров. Люди с зонтами ждут маршрутку. Автомобили. Вдали — распластанная двухъярусная развязка. Длинные дробные линии фонарей. За широкой рекой магистраль сияют хрустальные дворцы дилерских центров, отсвечивают покатые бока ангаров. Поодаль в дожде дрожит целое озеро света; там идут круглосуточные работы, гудят бетоновозы, двигаются краны: это строятся новые

мегаполлы «Ашан», IKEA и METRO. Здесь, в районе Шпального посёлка (вместо его трущоб уже стояли кварталы таунхаусов), на окраине города Батуева формировался мощнейший торговый узел.

А Георгий Николаевич помнил тут щитовые бараки с говноварнями наркобарыг, заброшенные котлованы, куда скидывали городской мусор, заросли кустов, где плечевые проститутки наскоро сосали дальнобойщикам. На огромном пустыре вдоль железнодорожной насыпи топтались тысячи «челноков», и «Коминтерн» решил дубинками и грейдерами загнать их в недостроенный товарный терминал станции Батуев-Сортировочная...

«Коминтерн» справился со всеми трудностями, поборол всех врагов. А Георгий Николаевич поборол «Коминтерн». Однако за ним, за майором Щебетовским, не было никакой силы. Ни бандитов, ни Конторы, никого. Только навыки и характер. И он по пальцам разжал кулачище «афганцев», выдрессировал их союз — это звероподобное чудище.

Теперь он основной акционер самого главного «афганского» актива — Шпального рынка. Двенадцать лет назад в войне за Шпальный враги валили «афганских» лидеров, командиров «Коминтерна». Но Щебетовский сумел забрать этот актив себе, и «Коминтерн» сейчас — два скромных тихих офиса в администрации рыночного комплекса, где воспитанные девушки сидят перед компьютерами. А раньше «Коминтерн» был ревущей и полупьяной толпой недавних солдат во главе с быдло-фюрером Лихолетовым.

В стекле на фоне сверкающей панорамы с магистралями и автоцентрами Георгий Николаевич видел отражение своего лица. Он рассматривал себя и думал, что ничего особенного в его лице нет, но это лицо настоящего героя. Он не испугался. Он вступил в борьбу и в одиночку всех переиграл. Было трудно. Приходилось делать вещи, про которые надо сразу забывать. Увы, так устроен мир. Если хочешь быть победителем, прими это условие. Умный человек найдёт

возможность минимизировать зло, и нечего тут размазывать сопли. А для жестокого поступка тоже требуется немалое мужество.

Короче, не важно, что он богатый, а остальные — бедные. Важно, что он умнее и сильнее, потому и успешен. А остальные — недоделки. Если же им вообще не повезёт, то они будут красть, как Герман Неволин.

Подобно Щебетовскому, Виктор Басунов в этот вечер тоже предавался размышлениям. Квартира Басунова находилась в элитном доме закрытого жилого комплекса в центре города; здесь селился батуевский истеблишмент образца девяностых годов. Раньше квартира принадлежала Лене Быченко — первой директрисе Шпального рынка. Лена завела любовника и переехала с ним то ли в Бургос, то ли в Коста-Браву. Лена была вдова. Её муж, купивший эту квартиру, в своё время был командиром «Коминтерна» и начальником Витьки Басунова. А Басунов тоже очень хотел чувствовать себя боссом.

Он жил с мамой и сестрой, в большой квартире места хватало для всех. В прихожей его встречала сестра — незамужняя, толстая, в очках. Она молча приняла мокрую куртку брата, убрала ботинки и выставила тапочки. Басунов медленно причёсался у зеркала, тщательно закладывая волосы назад.

— Витя, кофе сварить? — с кухни спросила мама.

— Подай в кабинет, — сухо ответил Басунов.

Просторный кабинет по стенам был оборудован книжными полками — красивыми, но полупустыми. Дома считалось, что «Витя ещё формирует свою библиотеку из трудов по военной истории». Книги, которые покупал, Басунов, конечно, не читал, но внимательно изучал предисловие (если оно не очень длинное) и аннотацию; на его вкус, издание должно было содержать изображения оружия и военной формы давней эпохи и схемы битв. Ещё в кабинете стояли тренажёр, диван и письменный стол с креслом.

Басунов сел в кресло перед столом. Мама принесла ему кофе.

Он пил кофе и вспоминал слова Щебетовского, что для него девяностые не только закончились, но и обнулились. Странно: он столько всего знает о Георгии Николаевиче, но почему-то никогда не пытался превратить эти знания в реальные блага, как делал с другими командирами «Коминтерна». Щебетовскому удалось обнулить девяностые и не заплатить ему — ловко!

— Мам, надо коньяку, — крикнул Басунов в глубину квартиры.

Он достал из ящика стола телевизионный пульт и включил большой плоский экран, который находился среди книжных полок как раз напротив стола и кресла. Обычно по вечерам Басунов сидел вот так же за столом — будто директор какой-то фирмы — и смотрел без звука футбол, бокс или что-нибудь про животных. У мамы и сестры это называлось «Витя работает». На самом деле он проводил время без мыслей. Просто футбол и бокс, слоны и аллигаторы, коньяк и лимон. Плюс самоощущение значительного человека.

А Щебетовский стареет... Становится жадным и подозрительным. Забывает, кто ему друг. Забывает, у кого какие права. Считает всех своими халдеями. А он, Басунов, между прочим, совладелец рынка. Миноритарий. Десять лет назад Щебетовский предлагал Лихолетову блокирующий пакет акций Шпального — Лихолетов не взял. А надо было брать. Наверное, имеет смысл сейчас попробовать рвануть одеяло на себя, думал Басунов. Немец — это его шанс. Надо найти Немца, отнять его мешки и прессануть босса. Есть вероятность, что Щебетовский обменяет мешки Немца на блок-пакет. Только нельзя подпускать капитана Дибича слишком близко к Немцу.

Мама принесла Басунову рюмку коньяка и лимон на блюдечке.

На экране полосатый тигр в красной траве грыз поваленного буйвола.

— Какие ужасы ты смотришь, Витя, — укоризненно сказала мама.

Басунов верно нащупал нерв ситуации: если он первым доберётся до мешков Немца, то станет хозяином положения.

В то время, когда Басунов под коньяк наблюдал по телику пиршество тигра, Щебетовский приехал на ужин с капитаном Дибичем, чтобы обсудить тот же самый вопрос о первенстве в поисках Неволлина.

Ужин был назначен в ресторане «Шаолинь». Дибич немного опоздал, припарковал свой «лексус» как попало и вбежал в ресторан, словно играючи впорхнул, — в коротеньком мокром плащике, осыпанный дождевыми каплями, будто конфетти. Щебетовский тихо удивился, какие люди нынче становятся капитанами милиции, причём лучшими по профессии. Дибичу было немного за тридцать — юнец. Нежное лицо, большие чёрные глаза в пышных девичьих ресницах, кудряшки, стильный блейзер, шейный платок, джинсы в обтяжку, остроносые туфли. Пижон, мажор, моднявый хлыщ, а не мент.

— Сева, — Дибич сунул Щебетовскому ладошку, сел за столик и оглянулся на официанта: — Женечка, сразу принеси мне «перье» без газа.

«Белёная жаба», — подумал Дибич, весело разглядывая Щебетовского.

— Как следствие? — холодно поинтересовался Щебетовский.

— Вы не начальник мне, Георгий Николаевич, — улыбнулся Дибич. — Я не обязан отчитываться. Дело открыто, следствие ведётся, следите за новостями.

— Извините, — сдал назад Щебетовский. — Просто я нервничаю.

— Ничего. Пятьдесят грамм разрядят напряжение.

— Я за рулём.

Дибич не стал мучить Щебетовского.

— Ну что вам сказать? На место выезжал весь наш джаз-банд: Владимир Иваныч, начальник городского УВД, и генерал Шиленко из областного. Москва готова прислать оперов. Я назначен руководителем следственной бригады и напрямую отчитываюсь начальнику криминальной милиции. Дело резонансное. Пресса в восторге. Круто, Георгий Николаевич, вы в топе.

— А что ещё сделано?

— Введён план «Перехват». Неволин объявлен в федеральный розыск — как-никак вооружённое ограбление, то-сё, злодей скрылся в ночи с пушкой и похищенными сокровищами. Фото показывают по телевизору. Свидетели и ближайшее окружение уже допрошены. Из области Неволин не уйдёт.

Снова подошёл официант. Дибич быстро переключился на меню.

— Мне, Женечка, яйцо пашот и паштет де кампань, к этому тосты и апельсиновый фреш... Георгий Николаевич, что посоветуете: шатобриан в панировке, утиную грудку магре или бланкет из телятины?

— Что вам угодно, Сева, — желчно ответил Щебетовский. — Мне овсянку и молоко, молоко чуть тёплое. И две булочки тоже подогрейте.

— Кухню я люблю французскую, а жру по-русски, — закуривая, заметил Дибич. — Кстати, очень неожиданное меню для ресторана «Шаолинь».

— Раньше этот ресторан называли «Шайкой», — сказал Щебетовский. — Это был кабак группировки «динамовцев», потом его отбили «афганцы».

Щебетовский выжидающе смотрел на Дибича.

— У меня нет комментариев, — нейтрально ответил Дибич.

Он знал, что свои активы Щебетовский получил в девяностые. Ясно, что Щебетовский как-то бодался с бандитами